

АЛЕКСАНДР ЗАХАРЕВИЧ

БЕЛЫЙ ЛОГ

Александр Захаревич Белый Лог

<https://litres.ru/74318754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для четырнадцатилетнего Жени Лазарева экспедиция родителей начинается как испорченные каникулы: тесный грузовик, комары и деревня у северного леса. Но здесь он встречает Настю с зелёными глазами, её брата Ваньку и доброго Кузьму, навсегда оставшегося ребёнком. Речка, мороженое и новые друзья превращают Белый Лог в место, откуда не хочется уезжать.

Но после начала раскопок взрослые всё меньше похожи на себя. Лесник исчезает, возле лагеря появляются огромные следы, а из-под корней кто-то зовёт Женю по имени.

Лес уже выбрал тех, кого хочет получить. И чем ближе Женя подбирается к разгадке, тем яснее понимает: спастись одному ещё можно. Увести с собой тех, кто стал ему дорог, — совсем другое дело.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Захаревич Белый Лог

Пролог

Белого зайца Савелий заметил у самого оврага.

Сперва подумал, марево. День стоял душлистый, сырой. Лес после ночного ливня дышал тяжёлым паром, будто под слоем хвои что-то медленно тлело. С ветвей срывались капли, с глухим стуком вбиваясь в прелую подстилку. Комары дрожали над тропой серой едкой мутой, лезли в глаза и уши, норовили забиться под ворот гимнастёрки. Савелий выругался, вяло отмахнулся и замер.

Заяц сидел на поваленной коряге. Ослепительно белый. Такой белизны в июльской зелени существовать не могло. Она резала глаз, выглядела чужеродным пятном, куском мела на малахитовой скатерти.

Савелий прищурился, поправляя ремень двустолки.

— Ну и диво, — прошелестел он.

Заяц не шелохнулся. Обычно лесное зверье срывается от первого вздоха: хрустнет сучок, и только мелькнёт хвост в ельнике. Этот же сидел неподвижно и смотрел прямо на человека. Взгляд был не звериный, осмысленный. Между ло-

патов у Савелия противно пополз холодок. Он усмехнулся, подбадривая себя, и сделал шаг вперёд.

— Ну, бяляк, скачи отсюда. Чего застыл?

Заяц моргнул. Медленно, почти по-человечески. Мир вокруг тут же стал неестественно плотным. Секунду назад лес жил: скрипели старые сосны, пересвистывались птицы, гудела мошकारа. Теперь всё будто накрыли мокрым войлоком. Даже комары застыли в воздухе, перестав биться в лицо.

Зверь прыгнул с коряги. Прошёл несколько шагов вдоль тропы, остановился и обернулся, выжидая. Савелий шумно выдохнул через нос.

— Вот ведь зараза...

Разум советовал повернуть назад. Дел в лесничестве хватало: проверить северную просеку после грозы, осмотреть мост через реку, да и председатель утром опять выговаривал за пропавшую корову, будто Савелий должен был пасти деревенский скот в свободное от обхода время. Но ноги сами двинулись за белым пятном.

Сначала он убеждал себя, что это просто любопытство. Потом, что о таком редком звере нужно обязательно рассказать мужикам. Через десять минут Савелий понял: он заблудился.

Тропа растворилась. Под сапогами чавкал чёрный мох, насквозь пропитанный ледяной водой. Ели здесь теснились друг к другу, переплетаясь ветвями, заслоняя свет. Корни выпирали из земли узловатыми коленями, ныряли под кам-

ни и снова вылезали наружу. Заяц скользил между ними легко, словно дух.

Савелий остановился, тяжело дыша. Эти леса он знал с малых лет. Здесь ходил его отец ещё до войны, здесь он сам мальчишкой лазил по оврагам. Но этой ложбины он не помнил. Её просто не могло быть в его обходе.

Слева высилась кривая берёза, изуродованная чёрными наростами чаги. Справа сосна, расщеплённая молнией до самого комля. Между ними уходил вниз узкий спуск, заваленный гнилой листвой. Белый заяц сидел внизу, у самой кромки тьмы.

Савелий снял ружьё с плеча. Не для выстрела, просто так, сжимая холодную сталь стволов, чувствовал себя увереннее.

— Ну? — тихо спросил он. — Привёл?

Заяц повернул голову к нагромождению корней под вывороченной елью. Там зиял провал. Сначала Савелий принял его за барсучью нору, но, подойдя ближе, разглядел рукотворный камень. Ровные плиты, массивные, покрытые слоем склизкой земли. Одна расколота, другая ушла в грунт под весом дерева. На камнях виднелись насечки.

Савелий присел, счищая грязь пальцами. Под ногтями захрустел песок, обнажая знаки: ломаная линия с короткими отростками, похожая на скелет ели. Рядом круг с «хвостом». А ниже, совсем простой рисунок: две дуги и маленькая голова. Заяц.

Запах из провала шёл густой: глина, старая зола и что-то

приторно-сладкое, тяжёлое. Так пахнет мясо, которое долго лежало в земле, но не сгнило, а забальзамировалось холодом.

Белый заяц исчез. На мху остались лишь отпечатки лап. Следы обрывались у самого края провала.

— Тьфу ты, — Савелий выпрямился. Его голос прозвучал глухо, словно в пустой бочке.

Надо было уходить. Собрать людей, позвать председателя, сообщить в район, вызвать учёных из города. Лесник был человеком практичным: если под корнями древняя кладка, в одиночку соваться нечего. Но он продолжал смотреть в темноту. Там, в глубине, что-то мерцало — не свет, а скорее близна кости под водой.

Савелий достал спички. Первые две сломались, коробок отсырел. Третья вспыхнула ярким, дрожащим золотом. Он прикрыл огонёк ладонью и заглянул внутрь. Сначала увидел ступени — низкие, каменные, уходящие в сырую мглу. Затем — кости. Множество мелких костей, вдавленных в глину по краям входа. Птичьи, звериные... или чьи-то ещё. Спичка обожгла пальцы, он выронил её в грязь.

И в этот миг из-под земли донёсся звук.

Тихий, вкрадчивый. Сначала Савелий принял его за капель, затем за скрип дерева. Но вскоре понял: это шёпот. Слов не разобрать, только собственное имя, растянутое, произнесённое самой землёй.

«Са-ве-лий...»

Ружьё в руках стало неподъёмным.

— Кто здесь? — хрипло выкрикнул он.

Шёпот оборвался. Из проёма пахнуло могильным холодом, невозможным для июля. Трава у края мгновенно посебрилась инеем. За спиной щёлкнула ветка. Савелий обернулся, едва не сбив дыхание ремнём.

Белый заяц сидел в шаге от него. Глаза у зверя оказались не красными, а бледными, мутными, как вода подо льдом. В них не было страха. Только вековое терпение.

Савелий вскинул двустволку.

— Пошёл!

Заяц не шелохнулся. Савелий нажал на спуск. Сухой щелчок бойка, осечка. Вторая попытка, снова пустота. Патроны были свежие, он сам заряжал их утром под ворчание чайника.

Когда он поднял взгляд, зайца уже не было. На коряге, где тот сидел мгновение назад, лежал белый камень. Гладкий, овальный, ледяной на ощупь. На нём был вырезан тот же знак, что он видел: заячьи уши.

Он коснулся камня, и шёпот вернулся. Теперь он звучал прямо в голове, ласково, вкрадчиво, по-родному.

«Нашёл...»

Савелия качнуло. Перед глазами вспыхнула луна, а внутри неё люди на коленях. Сотни людей с открытыми в безмолвном крике ртами. Хруст костей, запах гари, белые лапы на чёрном песке. Он хотел отбросить камень, но пальцы светло судорогой.

«Нашёл, Савелий...»

Он упал на колени. Мох выдавил холодную влагу. Где-то в вышине отчаянно, надрывно закричала птица.

Савелий открыл глаза.

Лес снова шумел. Комары привычно лезли в лицо, в отдалении стучал дятел. Всё вернулось на свои места. Только камень в ладони больше не был холодным. Он пульсировал теплом, как живое сердце.

Савелий медленно поднялся, пряча находку в карман гимнастёрки.

— Учёных надо звать, — сказал он вслух.

Голос был спокойным, разумным. Именно так должен говорить лесник. Где-то внутри него тихо, удовлетворённо засмеялись.

Он пошёл обратно, и дорога сама ложилась под ноги. Он больше не спотыкался. А за его спиной, в глубине древнего провала, что-то наконец пришло в движение.

Савелий не оглядывался. Он знал, что вернётся. И приведёт тех, кого от него ждут.

Глава 1

Грузовик тряхнуло так, что Женя едва не вылетел с лавки. Он успел ухватиться за борт, зло сплюнул и уставился на дорогу. Хотя дорогой это месиво из глины, корней и глубоких колеи назвать было трудно. Старый ГАЗ-63 то вяз в жиже по самым мосты, то с хрустом подпрыгивал на валунах, заставляя ящики в кузове испуганно звенеть.

Брезентовый тент хлопал на ветру, в щели тянуло бензином и горьким ароматом прибитой дождём пыли. Под скамьёй перекачивались керосиновые фонари, завернутые в ветошь.

Женя сидел, зажатый между матерью и массивным футляром теодолита. Ему было тесно, жарко и невыносимо скучно. В свои четырнадцать он казался себе слишком взрослым для этого «семейного похода», хотя острые локти и вечно растрёпанные светлые волосы говорили об обратном.

— Мам, — простонал он после очередного удара зубами о зубы, — долго ещё?

Елена Сергеевна обернулась. Коллеги звали её просто Ленной, отец — Лёлей. Она была удивительно спокойной для этой тряски. Светлая косынка, закатанные рукава блузки, ботинки, уже измазанные глиной — она выглядела здесь естественнее, чем в их ленинградской квартире.

— До Белого Лога уже близко, — мягко ответила она. —

Найдём лесника, а там и до места рукой подать.

— Ты это час назад говорила.

— Потому что по карте действительно немного.

Женя фыркнул.

— По вашей карте, может, и так. А по моей пояснице мы уже до Китая доехали.

Напротив прыснул Мишка Бородин — второкурсник-практикант, рыжий и веснушчатый. Он методично чистил складным ножом зелёное яблоко.

— Не ворчи, малец. Лес — это романтика. Бесплатные комары, целебная грязь. Чего тебе ещё?

— Ага, сам бы точно выбрал лагерь, если бы выбор был, — огрызнулся Женя. — У Витьки сейчас море, Анапа, мороженое. А я в кузове с железяками.

— Староват я для лагерей, — подмигнул Мишка. — Мне уже двадцать. Старость не радость.

Студентки Зина и Валя засмеялись. В этой экспедиции все слишком быстро стали «своими», перешли на «ты» и бесконечно спорили о слоях и датировках. Женя чувствовал себя лишним. Его взяли только потому, что оставить было не с кем: бабушка уехала, а отец Андрей Павлович заявил: «Хватит болтаться без дела, посмотришь на настоящую работу».

Настоящая работа оказалась смесью пота, бензина и сырой одежды.

Отец сидел у противоположного борта, прикрыв глаза. Интеллигентное лицо в тонких очках казалось строгим даже

во сне. На коленях он сжимал кожаную папку с документами и письмом из отдела культуры.

Грузовик взревел, забуксовал, выплёвывая из-под колёс фонтаны жижи, и наконец замер. В наступившей тишине отчётливо прозвучал мат водителя Фёдора.

— Сели? — Сергей Николаевич, второй руководитель, выглянул из кабины.

— Намертво, — отозвался Фёдор.

Все посыпались из кузова. Женя спрыгнул и тут же ушёл в грязь по щиколотку.

— Замечательно... — проворчал он.

Пока мужчины рубили ветки и возились под мостом грузовика, Женя отошёл к обочине. Здесь лес подступал вплотную. Тёмный, непривычно высокий, он будто наблюдал за суетой людей.

И тут Женя увидел его.

Сначала — просто белое пятно между елей. Думал, берёста. Но пятно шевельнулось, обретая контуры.

В десяти шагах от дороги стоял заяц. Белый, как сахарная голова. Он замер на задних лапах, вытянув длинные уши. В сумраке леса его шерсть казалась подсвеченной изнутри.

— Эй... — шепнул Женя.

Заяц смотрел на него. Не убегал, не вздрагивал от рёва мотора. В нём было странное, холодное спокойствие.

Женя почувствовал, что обязан показать это отцу. Иначе потом сам себе не поверит.

— Пап! Пап, иди сюда!

Андрей Павлович, вытирая грязные руки ветошью, подошёл неохотно.

— Что такое, Женя? Не до игр сейчас.

— Там заяц! Белый! Совсем белый!

Отец нахмурился, поправляя очки.

— Какой белый, сын? Сейчас июль. Беляки линяют к зиме.

— Да вот же он!

Они подошли к краю леса. Мох был примят, но зверя и след простыл. Только пустая темнота между стволов.

— Показалось, — вздохнул отец. — Устал, глаза зацепились за светлый блик.

— Я видел его! Он смотрел на меня!

— Хорошо, допустим, — Андрей Павлович положил руку сыну на плечо. — Но в лес за ним не бегай. В незнакомых местах за белыми зайцами ходить не принято.

Грузовик наконец вырвался из плена и, победно рыча, выкатился на сухой участок.

— По местам! — скомандовал Сергей Николаевич.

Женя залез в кузов последним. Он всё оглядывался на ту просеку. Ему не хотелось, чтобы заяц оказался просто галлюцинацией. В глубине души, там, где ещё жила вера в сказки, он надеялся: это начало чего-то настоящего. Не книжного, а опасного и тайного.

Белый Лог показался внезапно. Деревня будто нехотя от-

крылась, вжатая в стену леса. Серые избы, покосившиеся заборы, ленивые коровы на главной улице. Деревня пахла навозом, дымом и старым деревом.

Местные встречали их молча. Женщины у колонки перестали качать воду, провожая грузовик тяжёлыми взглядами. Старики на крыльце сельпо замерли с самокрутками. В этих взглядах не было ни любопытства, ни радости. Только глухое, насторожённое ожидание.

Грузовик замер у почты. Сергей Николаевич прыгнул на землю:

— Добрый день! Нам бы лесника Савелия найти. Он здесь?

Женщины у колодца переглянулись. Быстро, испуганно. Так смотрят, когда чужак по незнанию поминает лихо.

— На краю он живёт, — ответила та, что в чёрном платке. — За клубом... Только вы бы к председателю сначала зашли.

Женя смотрел на лес, подступающий к самым огородам. Ему показалось, или там, за последней избой, снова мелькнула ослепительно белая искра?

— Женя, не отставай! — позвала мать.

Он поспешил за взрослыми, но на миг обернулся. Деревня казалась крошечной и беззащитной перед этой стеной елей. Словно лес был не фоном, а хозяином, который просто позволил людям пожить здесь ещё немного.

Глава 2

Председатель оказался маленьким, круглым и очень потным человеком. Фамилию свою он произнёс так торжественно, будто представлял не себя, а государственную должность высшего ранга.

— Плюхин Афанасий Петрович, председатель сельсовета, — отчеканил он, энергично пожимая руку Андрею Павловичу. Другой рукой он одновременно вытирал пот со лба большим клетчатым платком и пытался жестом пригласить гостей в контору. Если бы у него была третья рука, она наверняка уже открывала бы дверь.

— Очень приятно! Очень даже радостно, что пожаловали. Мы тут все переживали: доедете ли, пустит ли дорога. У нас, сами понимаете, не Невский проспект.

Он первым засмеялся своей шутке и тут же снова промокнул лоб.

Женя стоял чуть в стороне у крыльца и разглядывал председателя с угрюмым любопытством. Плюхин был ростом едва ли отцу по плечо, зато в ширину мог поспорить с дверным косяком. Белая рубашка на нём уже потемнела под мышками и у ворота, тёмные брюки были подтянуты высоко, почти под грудь, а лакированные туфли совершенно не сочетались с деревенской грязью. Впрочем, сам председатель делал вид, что не замечает, как они потеряли весь блеск.

Лицо у него было круглое, красное, с маленькими глазками, которые при улыбке почти исчезали в складках, и аккуратными усами, похожими на две тёмные запятые.

— Дело-то очень значимое, — продолжал Плюхин с важным видом. — Для науки, для района и для нашей деревни тоже. Нам что нужно? Польза и культурность! А тут — Ленинград! Учёные люди! Археология! Это вам не шутки.

Сергей Николаевич добродушно улыбался, кивая в такт каждому предложению.

— Спасибо, Афанасий Петрович. Нам бы для начала разместиться.

— Разместим! Всё уже продумано. Есть две хорошие избы, крепкие, сухие. Ну... почти сухие. Одна после Марьи Ефимовны осталась, светлая ей память. Вторая — Семёновых, они к сыну в Петрозаводск уехали. Печь там отличная, лавки, крыша почти не течёт.

— Почти? — приподняла бровь тётя Дуся.

Плюхин мгновенно повернулся к ней:

— В смысле, не течёт существенно. Так, мелочь. Климат у нас, сами понимаете. Северный.

— Климат у вас хороший, — заметила тётя Дуся. — Сразу видно, для грибов.

Мишка прыснул в кулак. Валя незаметно ткнула его локтем. Плюхин не понял, шутят над ним или нет, и на всякий случай снова засмеялся.

— Грибов да у нас полно. И ягода, и рыба. Природа щед-

рая. Только вы, товарищи, по лесу без Савелия не ходите. Лес у нас... непростой.

— Нам как раз нужно с ним встретиться, — сказал Андрей Павлович. — Он должен показать место находки.

— Покажет, покажет. Савелий мужик исполнительный. Немногословный, правда, но лес знает как свои пять пальцев. Можно сказать, вырос в нём.

— Он часто в деревне бывает? — спросил Сергей Николаевич.

— Летом-то нет. Сторожка у него в глубине. Но после вашей находки... — Плюхин внезапно осёкся, достал платок и снова вытер лоб. — После находки чаще здесь ночует.

— Нашей находки? — уточнил Сергей Николаевич с улыбкой. — Пока что это ваша находка.

— Что вы, что вы! — Председатель даже руками замахал. — Нам чужого не надо. Мы люди простые. Наше дело — сообщить, помочь, сопроводить. А уж что это такое и зачем — ваше дело. Наука, она на то и наука.

Слово «наука» он произнёс почти благоговейно, будто речь шла о высоком начальстве.

Пока взрослые разговаривали, деревня постепенно привыкала к приезжим. Люди уже не стояли открыто у заборов, но продолжали наблюдать — из окон, с крылец, из-за приоткрытых калиток. Несколько мальчишек подобралось было к грузовику, но, увидев хмурого Фёдора, копавшегося в моторе, быстро отступили. Куры деловито копались в пыли у

магазина. Та самая корова, которую грузовик с трудом объезжал, теперь спокойно чесала бок о телеграфный столб посреди улицы.

Когда все важные вопросы были решены, Плюхин хлопнул в ладоши:

— Значит, так. Сейчас размещайтесь, мои люди помогут, если надо. Потом, Андрей Павлович, если желаете, проводим вас к Савелию. Дальше уже он покажет тропу.

— До места далеко? — спросила Елена Сергеевна.

— Километра четыре. Может, пять. По лесу на машине после дождя не проехать.

— Значит, лагерь будем ставить рядом с раскопом, — кивнул Сергей Николаевич.

— Я так и думал, — согласился Андрей Павлович. — Часть группы останется в деревне, часть уйдёт с палатками и оборудованием. Сегодня осмотримся, завтра начнём разметку.

— Палатки в лесу? — Плюхин неожиданно перестал улыбаться.

— Разумеется.

— Ну да... ну да... — Председатель снова промокнул лоб. — Только вы с Савелием посоветуйтесь, где лучше ставить. Там есть места... неудобные.

— Болото? — прищурился Сергей Николаевич.

— И болото тоже, — ответил Плюхин так, будто болото было далеко не самой большой проблемой.

Женя хотел спросить, что ещё там может быть «неудобного», но взрослые уже двинулись к грузовику. Вскоре вся улица перед почтой была завалена ящиками, мешками, свёрнутыми палатками, инструментом и припасами.

Избы, выделенные экспедиции, стояли недалеко от клуба. Одна маленькая, с низкими окнами и покосившимся крыльцом. Вторая побольше, с просторными сенями и печью, выбеленной известью. Половицы в ней скрипели так жалобно, будто каждый шаг был для них личным оскорблением.

Женя таскал то, что полегче: одеяла, верёвки, сумки. Один раз попытался поднять ящик с инструментами, но Мишка тут же отобрал его:

— Надорвёшься, герой.

— Сам ты герой.

— Я-то точно, — подмигнул студент.

Женя уже собирался ответить что-нибудь едкое, когда заметил у забора двух местных мальчишек. Они смотрели на него. Один — маленький и курносый, второй — постарше, босой, с тёмными волосами и прищуренным взглядом. Стоило Жене посмотреть в ответ, как оба сразу сделали вид, что их очень заинтересовала канава.

Он снова почувствовал себя чужаком.

Через час он окончательно устал, взмок и возненавидел археологию ещё сильнее, чем утром.

Когда взрослые собрались у крыльца второй избы, чтобы обсудить дальнейшие планы, Женя подошёл ближе.

— А я? — спросил он, хотя на самом деле идти в лес совсем не хотел.

— Ты пока останешься в деревне, — ответил отец.

Женя постарался не показать облегчения.

— Можно тогда... — он замялся, — мам, можно денег?

— Зачем?

— На мороженое.

— Неизвестно, есть ли оно здесь, — улыбнулась Елена Сергеевна, но всё-таки достала несколько монет. — Только недалеко. Купил — и сразу обратно.

— Я не маленький.

— Именно поэтому я говорю это один раз.

Женя взял деньги и направился к магазину, радуясь возможности ненадолго исчезнуть от всех этих взрослых разговоров.

Сельпо стояло у самой дороги — приземистая деревянная изба с крыльцом в три ступени. Внутри пахло пылью, керосином и сушёной рыбой. На полках теснились банки с консервами, пачки соли, хозяйственное мыло и жестяные коробки из-под чая. На самом верху, покрытые слоем серой пыли, сиротливо устроились резиновые сапоги, мотки ниток, керосиновая лампа без стекла и несколько тетрадок в блёклую клетку.

Женя тоскливо огляделся. В Ленинграде даже самый невзрачный магазинчик казался дворцом. Там были сверкающие витрины, чинные очереди, упоительный запах свеже-

го хлеба, мороженое в хрустящих вафельных стаканчиках и шипящая газировка с сиропом. Здесь же всё выглядело так, словно товары добирались до деревни на перекладных, смертельно устали в пути и теперь тихо умирали на полках.

За прилавком, мерно постукивая спицами, сидела дородная женщина в синем халате. На вошедшего она даже не взглянула.

— Чего тебе? — глухо спросила она.

— Мороженое есть?

Продавщица подняла голову и посмотрела на Женю так, словно он потребовал достать из-под прилавка живого крокодила.

— Есть. Пока не растаяло.

— А какое?

— Холодное.

Женя вздохнул, поняв, что развивать эту тему бесполезно. Он уже потянулся за деньгами, когда за спиной раздался чистый, насмешливый девичий голос:

— Брать-то будешь, гость? Или ты сюда просто так, поглазеть пришёл?

Женя обернулся и замер.

У двери стояла девчонка. Русые волосы были заплетены в две небрежные косы, из которых упрямо выбивались пушистые прядки. А глаза у неё были зелёные — не серые и не болотные, а именно зелёные, яркие и дерзкие, как молодая трава после грозы. На ней было простое белое платье в крас-

ный горошек, чуть помятое, и сандалии на босу ногу. На загорелой коленке темнела свежая царапина. Смотрела она на Женю так открыто и весело, будто они были знакомы сто лет и он только что страшно рассмешил её какой-то нелепостью.

Женя попытался собраться с мыслями, но слова застрева-
ли в горле:

— Я... да бери, если хочешь. То есть... проходи вперёд.
Я не тороплюсь...

Он осёкся, чувствуя себя круглым дураком. Девчонка улыbnулась ещё шире, обнажив ровные зубы:

— Щедрый какой.

Она подошла к прилавку лёгким, почти подпрыгивающим шагом и со звоном высыпала монеты:

— Тётя Нюра, два дай. Только те, что потвёрже, не мягкие.

— Уж тебе-то самые царские, — проворчала продавщица, но послушно полезла в деревянный ларь-холодильник.

Девчонка снова повернулась к Жене, с любопытством оглядывая его городскую одежду:

— Ты из приезжих? Которые раскопками заправляют?

— Да.

— Учёный, значит?

— Нет.

— А кто тогда?

— Ну... с родителями я, — пожал плечами Женя.

— Значит, почти учёный, — подмигнула она.

— Вовсе не почти.

— А с виду — вылитый.

Женя не нашёлся, что ответить — комплимент это был или насмешка, а потому предпочёл промолчать. Продавщица выложила на прилавок два бруска в помятой бумажной обёртке. Девчонка ловко подхватила их, на ходу надорвала обёртку одного и направилась к выходу.

— Ну, бывай, гость. Изучай ассортимент.

Она выскочила на крыльцо. Женя постоял ещё немного, чувствуя, как щёки заливают глупая горячая краска.

— Ну? — поторопила тётя Нюра. — Тебе-то давать?

— Да. Одно.

— Тоже «царское»?

— Нормальное.

— У нас тут всё нормальное, — обиженно фыркнула женщина, протягивая ему мороженое.

Женя расплатился и вышел под яркое солнце. Девчонка, как выяснилось, никуда не ушла. Она стояла у бревенчатой стены магазина, с удовольствием слизывая белую пену. Рядом с ней переминался с ноги на ногу рослый, плечистый парень — на целую голову выше Жени. Лицо у него было тёмным от загара, взгляд — хмурым и оценивающим, а крупные ладони покрывали жёсткие рабочие мозоли, какие не найдёшь на турниках или велосипедных прогулках.

Парень бесцеремонно смерил Женю взглядом с головы до ног:

— Ну что, москвич, приехали в наши леса хозяйничать?

В животе у Жени неприятно ёкнуло. Во-первых, никакой он не москвич — в Москве он отродясь не бывал, видел только на открытках. Во-вторых, парень произнёс это слово так, будто оно было ругательством. А в-третьих, девчонка с интересом наблюдала за ними, и её улыбка делала ситуацию совсем невыносимой.

Женя неторопливо снял бумажку с мороженого.

— Да, приехали, — ответил он, стараясь говорить ровно.

— А что, нельзя?

Парень удивлённо приподнял брови:

— Это как посмотреть.

Он произнёс это без злобы, почти лениво, но вдруг сделал шаг вперёд, нарушая личную дистанцию:

— Драться-то умеешь?

Женя растерялся:

— Чего?

— На кулаках, говорю, биться умеешь? Пришлых у нас, сам понимаешь, не жалуют. Выстоишь против меня — может, и подружмся.

Девчонка тихонько прыснула в кулак, но вмешиваться не стала.

Парень стоял напротив — широкий, уверенный в своей силе, со сбитыми костяшками пальцев. Женю обдало волной липкого страха. Хотелось соврать, сослаться на дела, сказать, что его ждут родители. Но зелёные глаза девчонки смотрели

прямо на него.

И Женя решился:

— А давай.

Парень ухмыльнулся:

— Смелый, значит?

— Я хоть и дохлый с виду, — Женя заставил свой голос звучать твёрдо, — но боксом уже пару лет занимаюсь.

Конечно, он приврал. Боксом он занимался чуть больше года, да и то с грехом пополам. Тренер в Доме пионеров частенько говаривал, что реакция у Лазарева неплохая, но стойка никуда не годится, и предрекал, что на улице Женя получит по голове не за слабый удар, а за свой длинный язык. Сейчас оставалось лишь уповать, что старик-тренер ошибался хотя бы наполовину.

— Боксёр, выходит. Ну, пошли за магазин, проверим твою стойку.

— Вань, — ласково окликнула девчонка, — ты только не убей городского с одного маха. А то гости обидятся, уедут.

— Я лёгонько, — пообещал Ванька.

Женя уже проклял тот миг, когда согласился на эту авантюру.

За углом сельпо царило запустение: сиротливо громоздились трухлявые деревянные ящики, валялась бочка без дна, темнела куча мокрых горбылей, а у самого забора буйно разрослась крапива. Девчонка по-хозяйски устроилась на перевернутом ящике, словно зритель в партере, и принялась

уплетать тающее лакомство. Ребята вручили ей свои порции, чтобы не мешали, и сошлись посреди поляны.

— Правила есть какие? — поинтересовался Женя, принимая стойку.

Ванька пожал широкими плечами:

— Одно правило — не реветь.

Женя поднял согнутые в локтях руки. Ноги по привычке встали неловко, но он быстро переступил, выравнивая баланс. Парень взглянул на него уже без прежнего пренебрежения — боксёрскую стойку он признал сразу.

Первый удар был пробным. Ванька коротко ткнул левой, скорее прощупывая дистанцию. Женя легко уклонился. Вторая подача тоже ушла в пустоту. Третий удар лишь вскользь задел плечо.

— Ого! — подбодрила Настя. — А городской-то шустрый!

В груди у Жени разлилось сладкое, пьянящее чувство победы. Пусть он не нанёс ни одного удара, но он уже не выглядел беспомощным мешком. Ванька хмыкнул, посерьёзнел и пошёл в атаку плотнее. Женя пятился, едва не зацепив пяткой валявшуюся доску, но вовремя скорректировал шаг. Он попробовал сделать быстрый выпад навстречу — кулак скользнул по крепкому плечу соперника.

— Ай, — шутливо поморщился Ванька. — Слабовато бьёшь, городской.

— Москвич же, — вставила Настя.

— А, точно, москвич!

— Да из Ленинграда я! — в сердцах выкрикнул Женя, уворачиваясь от очередного замаха.

Ванька на секунду опустил руки:

— Да какая разница?

— Огромная!

— Это для кого же?

— Для ленинградцев!

Настя звонко расхохоталась. Ванька тоже не удержался от улыбки, и напряжение между ними окончательно растаяло. Драка незаметно превратилась в простую игру — грубоватую, мальчишескую проверку на прочность, в которой уже не было места злости. Они обменялись ещё парой несильных тычков. Женя защищался на удивление ловко. Когда он в очередной раз задел Ваньку по груди, тот одобрительно кивнул, словно выставляя зачёт.

Вдруг из-за угла раздался отчаянный, захлёбывающийся крик:

— Ванька! Не можно! Не можно гостей-то бить, Ванька!

К ним, спотыкаясь, бежал человек. Сначала Жене показалось, что это мальчишка, но, разглядев его поближе, он удивился. Это был взрослый мужчина, но какой-то нескладный, странный. Худой, невысокого роста, одетый в сущие обноски, босой, с вихром седых волос и клочковатой седой бородой. Широкие штаны были подвязаны обрывком пеньковой верёвки, рубаха висела мешком, а на локте темнела грубая

заплата. Но глаза у него были поразительные — карие, лучистые, абсолютно чистые и добрые, как у маленького ребёнка. Он бежал, нелепо взмахивая руками, словно от этого зависела чья-то жизнь.

— Ванька, не можно! — тяжело дыша, запричитал он, заслоня Женю собой. — Это же гости! Из самого города! Учёные люди!

Ванька покорно опустил кулаки и добродушно ухмыльнулся:

— Да мы же просто так, Кузьма... баловались.

— Всё равно нельзя, — строго погрозил пальцем Кузьма. — Гостей бить грех. Гостей приветать надо. Хлебом-солью встречать. Ну или без соли, если нету её. А кулаками махать не смей.

Настя легко спрыгнула с ящика, возвращая ребятам их слегка подтаявшее мороженое:

— Не переживай, Кузьма. Мы его на прочность проверяли. Нам ведь трусы в отряде не нужны.

Женя удивлённо воззрился на неё:

— В каком ещё отряде?

— В нашем, конечно! — Настя гордо вскинула подбородок. — Я — Настька. Это Ванька, брат мой. А это Кузьма. Вот и весь наш отряд. Не пионеры, конечно, но что имеем.

— Почему это не пионеры? — вдруг обиделся Кузьма, засуетившись. — Пионеры — они отличные! Я сам пионером был, хорошим, правильным. У меня и галстук дома припрят-

тан. Красный-красный! Ну, то есть сейчас уже не очень красный, старый потому что... Хочешь, я тебе его принесу? А ты сам пионер? Из города ведь все пионерами приезжают, да? Я мигом, я быстро принесу!

Он говорил без умолку, захлёбываясь словами, перескакивая с одной мысли на другую, и, не дожидаясь ответа, пропустил по дороге назад, смешно поджимая босые ноги, чтобы не наступить на острые камушки.

Женя озадаченно проводил его взглядом:

— А что с ним такое?

Ванька мгновенно посерьёзnel, и его лицо показалось Жене неожиданно взрослым:

— Блаженный он. С войны такой. У него на глазах фашисты всю семью положили. Сестрёнок его маленьких... — он запнулся, сглотнул ком и договорил глухо: — Обидели страшно перед смертью. Вот у него разум-то и помутился.

Настя резко, со звучным щелчком отвесила брату подзатыльник.

— Ай! Ты чего дерёшься?

— Не смей так про своих говорить, — отрезала она. — Кузьма у нас самый лучший. И нормальный он!

— Да я же не со зла, Насть...

— Всё равно не смей. Язык твой без костей, сам когда-нибудь умом тронешься от болтовни своей.

Ванька обиженно потёр затылок, но спорить не решился. Настя повернулась к Жене, глядя на него со всей строгостью

своих зелёных глаз:

— И ты запомни, ленинградец. Если вздумаешь над Кузьмой потешаться — от меня лично схлопочешь. Понял?

Женя смотрел на её лицо и чувствовал, что не может вымолвить ни слова. Настя стояла совсем близко. От неё веяло теплом, парным молоком, лесной травой и сладким сливочным ароматом. На носу забавно толпились крошечные веснушки, а выбившаяся коса лежала на груди. Она хмурила брови, но её взгляд оставался удивительно живым и глубоким.

— Я понял, — тихо выговорил он.

— Точно понял?

— Точно.

Гнев Насти испарился так же стремительно, как и возник. Лицо её снова озарилось мягкой улыбкой, и Жене стало совсем не по себе от какого-то нового, непривычного чувства. Ванька понимающе хмыкнул, но деликатно промолчал.

— Ну, так как звать-то тебя, боксёр? — спросила девочка.

— Женя.

— Евгений, значит.

— Просто Женя.

— А фамилия?

— Лазарев.

— Женя Лазарев, — примерила она имя вслух. — И ты правда из Ленинграда?

— Да.

— Красиво там? Где Нева и мосты разводят?

— Красиво, — кивнул Женя.

— И море у вас есть?

— Не море, а Финский залив.

— Всё равно ведь большая вода?

— Нормальная.

Женя пожал плечами. Ему очень хотелось рассказать ей про серый гранит набережных, про гулкие дворы-колодцы, про то, как пахнет мокрый асфальт после летней грозы и какими прозрачными бывают белые ночи над Невой. Хотелось сказать, что если бы она приехала, он обязательно показал бы ей всё это. Но он промолчал — постеснялся.

— «Нормальная» у него всё, — передразнила Настя, заставив Женю улыбнуться. — Городские все такие. У них мосты в небо поднимаются, а им просто «нормально».

— А у вас тут коровам закон не писан, посреди дороги стоят, — буркнул в ответ Женя.

— Так коровы у нас сознательные! — рассмеялся Ванька. — Они знают, что вашим машинам торопиться некуда, лес подождёт.

Женя не выдержал и засмеялся вместе с ним.

Тут из-за поворота снова показался запыхавшийся Кузьма. В руках он бережно, словно хрустальную вазу, нёс старый пионерский галстук. Ткань давно выцвела, став из алой почти розовой, но была аккуратно отглажена и сложена идеальным треугольником.

— Вот! — торжественно объявил он, бережно протягивая реликвию. — Принёс! Настоящий, салют отдавать можно. Я хорошим пионером был, честное слово. Только потом война пришла, а потом... — он на мгновение запнулся, взгляд его подёрнулся дымкой, но он быстро тряхнул головой и снова просиял: — На, возьми! Подарю. Жалко, конечно, память ведь... но гостю хорошему не жалко.

Женя растерялся от такой искренности:

— Спасибо, Кузьма... Но не надо, правда. Я ведь тоже пионер, у меня свой дома есть.

— Свой есть? — Кузьма просиял так, словно совершил великое открытие. — Значит, мы с тобой одной крови! Пионер пионеру — товарищ и брат! Это же правильно?

— Правильно, — улыбнулся Женя.

— Ну вот, — подытожил Ванька. — Считаю, наладили международную дружбу «Белый Лог — Ленинград». Осталось только телеграмму в Кремль отправить, отчитаться.

Настя весело расхохоталась, Кузьма подхватил её смех, хотя вряд ли понял суть шутки, а следом сдался и Женя.

В этот неуловимый миг между ними что-то изменилось. Ещё четверть часа назад они были чужаками: местный парень с мозолистыми руками, бойкая девчонка в ситцевом платье, блаженный старик и растерянный городской мальчишка. А теперь они стояли за сельпо, пачкались тающим мороженым и хохотали до колик. Это было то самое мгновенное детское доверие, которое не требует долгих проверок

и лишних слов. Взрослым нужны недели, чтобы присмотреться друг к другу, взвесить чины и фамилии. Детям порой достаточно одного общего смеха.

Кузьма был взрослым лишь внешне. Женя отчётливо видел это по его бесхитростным глазам. В этом бородатом человеке продолжал жить тот самый маленький мальчик, которого война когда-то оставила сиротой, не позволив повзреть.

Настя бережно забрала у Кузьмы галстук, свернула его поплотнее и сунула ему в карман рубахи:

— Спрячь получше, Кузенька, а то обронишь где.

— Не оброню, — послушно пообещал тот. — А если оброню — плакать буду.

— Вот и береги.

Кузьма важно похлопал ладонью по груди.

— Вы куда теперь собираетесь? — спросил Женя, которому совсем не хотелось уходить.

— На речку хотели, — отозвалась Настя. — У нас там запруда есть хорошая. Вода, правда, ключевая, холодная, но если не трусить — в самый раз. С нами пойдёшь?

У Жени сладко заныло под ложечкой от этого приглашения. Всё, что утомляло его с утра, — бесконечная дорога, скучная экспедиция, сырой лес — вдруг отодвинулось на второй план. Теперь существовали только Настя в её платье в горошек, хмурый, но отходчивый Ванька, добрый Кузьма и манящая прохлада деревенской речки.

— Я бы с радостью... — начал он.

— Женя!

Звонкий голос матери донёсся с площади. Елена Сергеевна стояла у крыльца магазина. Рядом с ней переговаривались отец, Сергей Николаевич и ещё один мужчина, которого Женя раньше не видел.

Это был местный лесник.

На вид ему было около тридцати, но глубокие морщины у глаз делали его старше. Высокий, жилистый, широкоплечий, он был одет в выцветшую армейскую гимнастёрку без погон, грубые суконные штаны и тяжёлые юфтевые сапоги, покрытые подсохшей болотной грязью. Лицо его обрамляла короткая тёмная борода, а влажные волосы прилипли к вискам. Лесник держался особняком, словно общество людей тяготило его, но служебный долг обязывал присутствовать. На его ремне в старых кожаных ножнах висел солидный нож, а крупные ладони выдавали привычку к суровому физическому труду.

Когда Женя подошёл ближе, лесник медленно повернул голову. Его взгляд — тяжёлый, глубокий, пронизательный — скользнул по мальчику. Жене стало не по себе. Казалось, этот человек видит его насквозь — не одежду, не испуганное лицо, а саму душу, скрытую глубоко под кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.